

УДК 947.8

Б.Г. КАДЫРОВ,
доктор исторических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКАЯ ОККУПАЦИЯ СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В 1941-1945 гг.: ОПЫТ И УРОКИ

В статье проводится анализ экономической политики фашистской Германии на оккупированных советских территориях в период Второй мировой войны. Исследуются формы и методы руководства правительством Рейха сферой экономической жизни на завоеванных землях. Проводится параллель между деятельностью немецкого командования и работой российского правительства в экономической сфере за последние 10-15 лет.

К итогам и урокам Великой Отечественной войны надлежит возвращаться как к теме злободневной и необходимой для лучшего понимания не только прошлого, но и сложных процессов, происходящих в современной действительности. В советской, да и в российской историографии достаточно подробно говорилось о партизанах, подпольщиках, о тех, кто не склонил голову перед врагом. Но ведь была и огромная масса простых обывателей с их повседневными заботами о выживании, о благополучии. Какие изменения внес в их быт фашистский режим? В чем конкретно состоял "новый порядок", введенный оккупантами на завоеванных землях? Такие вопросы, как правило, остаются на периферии внимания ученых, историков, публицистов.

На захваченных советских территориях немцы устанавливали четкую, хорошую продуманную систему управления, свою собственную вертикаль власти. Возглавляло эту оккупационную пирамиду Министерство по делам восточных территорий во главе с Альфредом Розенбергом. Ему подчинялись четыре рейхскомиссариата: "Остланд", "Украина", "Москва", "Кавказ" во главе с имперскими наместниками-рейхскомиссарами. Как только войска вермахта занимали очередной населенный пункт, власть над ними брал старший воинский начальник. После того, как главные военные силы уходили

вперед, управление передавалось военной комендатуре, которая представляла немецкую администрацию.

Военная администрация формировала гражданскую администрацию (как правило, из местных кадров) – Управу. Возглавлял местную администрацию бургомистр (глава, атаман, мэр).

Станицами, деревнями, хуторами управляли старосты, которых избирали на сходах (это, наверное, единственная выборная должность). Под началом старост были еще кварталные и десятские. Такова была "вертикаль".

Кроме служб Розенберга на местах вели работу подразделения других имперских ведомств: тайная политическая полиция (или гестапо) Генриха Гимлера и хозяйственная инспекция Германа Геринга.

Немецкие власти отводили органам местного самоуправления чисто вспомогательную роль, любые проявления самостоятельности с их стороны пресекались. Причем немецкие военные не скрывали своего негативного отношения к полицейским, старостам, членам управ и бургомистрам.

Каждую неделю в военной комендатуре проводились планерки, где бургомистры, старосты отчитывались о проделанной работе, получали установки на следующую неделю, извещались о новых распоряжениях немецких властей.

Управители-аборигены рассматривались немцами не только в качестве своих пособников. Последние являлись своего рода буфером между чужестранцами и коренным населением. На них перекладывалась ответственность за непопулярные и неприятные мероприятия.

При немцах вершился и суд. С нарушителями оккупационного режима (сопротивление властям, невыполнение предписаний, отсутствие документов) разбирался военный комендант. Менее тяжкие правонарушения рассматривались гражданским судом. Судьи назначались местной немецкой администрацией.

План вторжения на территорию СССР "Барбаросса" был рассчитан на "блиц-криг". Отсюда главной экономической задачей кампании было заполучить как можно больше продовольствия, горючего для наступающих войск. С остальными хозяйственными трофеями поступали следующим образом: на захваченных фабриках и заводах забиралась готовая продукция и сырье, предприятия консервировались.

В планах германского руководства было: уничтожение всего промышленного производства СССР, за исключением добывающих отраслей; прокладка гигантских автострад, соединяющих колонии с рейхом; обеспечение раздельного проживания на завоеванных территориях переселенцев из Германии и "унтерменшей" (недочеловеков).

Молниеносной войны не получилось. Руководству Германии пришлось на ходу корректировать свои планы: вместо консервации предприятий, предписывалось интенсивное использование производственного потенциала. Впечатляет, что германское руководство восстановило и запустило в работу большое количество предприятий. Этому способствовали и инвестиции из центра. Министерство Розенберга обеспечило доставку в оккупированные районы промышленного оборудования на сумму 45 млн рейхсмарок [1].

На оккупированных территориях была провозглашена частная собственность. Была создана основа для появления класса собственников не только из числа представителей "высшей расы", но и из "унтерменшей". Так на занятых немца-

ми территориях стали появляться "новые русские". Они открывали различные коммерческие заведения: магазины, ларьки, киоски, мастерские и т.п.

Многие германские промышленники, чиновники предлагали преобразовать советскую собственность в частную (путем акционирования, приватизации и т.д.). Но в руководстве рейха рассудили по-другому. Здесь справедливо полагали, что частный капитал должен определиться в новых условиях – насытить своими товарами и услугами сферу потребительского рынка, не охваченного в должной мере общественным производством. Конечно, руководство Германии полагало, что большевистские формы хозяйствования противоречат национал-социалистическим устоям. Но отменять их сразу, они, видимо, считали преждевременным.

Немецкое руководство и к решению вопроса о статусе бывшей советской собственности подошло диалектически. Утверждая частную собственность, они не только не отменили советских форм хозяйствования, но и сделали их своей опорой. Статус захваченных ими советских предприятий и организаций как был, так и остался государственным. Сменилось только государство-собственник.

Большое внимание руководство уделяло политике в аграрном секторе. Одной из целей гитлеровского руководства была деколлективизация аграрного сектора. Но на практике немцы начали не с ликвидации колхозов и не с искусственного разведения фермеров. Уже с первых дней вторжения они обеспечили бесперебойную работу в полеводстве и животноводстве. Так, распоряжение германских военных властей в оккупированной Белоруссии требовало следующее: "уборку и обмолот хлебов производить существовавшим до сего времени порядком, т.е. коллективно... Руководство уборкой возлагается на председателей колхозов, указания и распоряжения которых строго обязательны... К уборке хлеба привлекать всех единоличников, рассчитывая их трудом" [2]. Таким образом, в колхозах, совхозах, на машинно-тракторных станциях была сохранена сложившаяся организация труда и система оплаты. Поскольку значительная часть техники

в советских хозяйствах была мобилизована в действующую армию либо уничтожена перед отступлением Красной Армии, руководство рейха оказало помощь селу в виде поставок техники на сумму 173 млн марок [3].

Преобразование коллективных хозяйств в единоличные предполагалось осуществить поэтапно, после того, как все крестьянские хозяйства обзаведутся необходимым набором машин, орудий, инвентаря.

Конечно, не следует идеализировать немцев и приписывать им гуманизм победителей, возрождающих экономику побежденных. Да, в действиях немецких управителей просматривается созидательное начало, проступает взвешенный и дальновидный подход. Но текущие и перспективные хозяйственные вопросы на завоеванных землях немцы решали постольку, поскольку это сулило максимум ресурсов для их страны.

Однако и "под немцами" жизнь продолжалась. Оккупационные власти сохранили ряд льгот для различных слоев населения, проводили дифференцированную социальную политику. Так, доходы граждан до 200 рублей в месяц, объекты социального и сельскохозяйственного назначения, мастерские, выполнявшие заказы германской армии, налогом не облагались. Применялись скидки при лечении (лечение было платное) больных с низким уровнем доходов. Пациенты детских консультаций, зарегистрированные безработные, пострадавшие от производственных травм, психически больные, острозаразные и прочие получали медицинскую помощь бесплатно.

Служащим выделялись участки под огороды, подсобные хозяйства. В сельской местности от продовольственных поставок для вермахта освобождались учителя, врачи, другие специалисты, инвалиды, многодетные семьи, престарелые. Правда, семьи красноармейцев от этих послаблений не освобождались.

При отделах социального обеспечения (а таковые были) действовали специальные бюро помощи для граждан, которые пострадали в ходе репрессий в годы советской власти. Им назначались пенсии и единовременные пособия,

выдавались ордера на жилье, гарантировалось трудоустройство, обеспечение продовольствием и топливом. Определенные привилегии имело казачество. Тем, кто особенно старался служить новым властям, сокращали налоги, давали дополнительные наделы земли, выделяли рабочий скот.

Говоря о социальной сфере, необходимо остановиться на вопросах в области образования и здравоохранения. Доставшуюся немецким властям сеть учебных и лечебно-профилактических учреждений новые хозяева сочли подходящей, но, несмотря на это, они широко внедряли платные образовательные и медицинские услуги. Причем оккупационная администрация добивалась стопроцентного всеобщего и строго следила за санитарным состоянием населенных пунктов.

Во время оккупации советские люди подверглись интенсивному идейно-политическому давлению. Направлял этот процесс имперский министр народного просвещения и пропаганды Пауль Йозеф Геббельс. Агитационно-массовую работу с населением вели также чиновники местных управ, старосты, квартальные и т.д. К формированию нового "унтерменша" подключилась и часть бывших работников различных идеологических органов ВКП(б). Особое рвение проявили журналисты, работники культуры и искусства, юристы, преподаватели вузов. В газетных публикациях, в речах по радио, в различных изданиях предыдущий советский строй изображался не иначе как "большевистское игло". Людям внушали, что они пребывали "в клещах красного дракона", ходили под тяжким "ярмом порабощения", над ними нависал "кровавый топор НКВД". Непрерывным потоком шли расследования "кремлевских тайн", связанных с борьбой за власть и репрессиями. На оккупированных землях сносились памятники, переименовывались улицы, предприятия, населенные пункты и т.д. Дискриминации подвергались фильмы, спектакли, песни советских авторов. Сюда же можно отнести кардинальное обновление памятных дат.

Итоги немецкой оккупации советских территорий широко известны. Гитлеровцы и их по-

собники истребили миллионы советских людей, в подавляющем большинстве безоружных. В германскую неволю были угнаны сотни тысяч "восточных рабов". Нарастающий вал геноцида – вот главное, что определяло социально-политическую атмосферу под игмом захватчиков.

Послужили ли эти страшные события уроком для живущих сегодня?

В системе управления нынешние власти позаимствовали у немецких оккупантов ряд принципиальных положений. Упразднена власть Советов народных депутатов – вместо нее диктатура администрации, сведены к минимуму полномочия местного управления, начат форсированный переход от выборности к прямому назначению глав территорий. Так же, как и тогда, сегодня центр перекладывает ответственность на регионы, на местные органы власти ответственность за провал той или иной кампании (в области ЖКХ, различных выплат и т.д.), за непопулярные решения, делая их "козлами отпущения".

В то же время надо сказать, что при немцах было полностью запрещено, а не ограничено (как сейчас) проведение митингов и демонстраций. Деятельность каких-либо партий не регламентировалась и контролировалась, как в наши дни, а исключалась.

В области экономики отечественные реформаторы так же энергично занялись проведением преобразований. В порыве административного восторга сразу начали с ликвидации государственных предприятий и кооперативных хозяйств, передав их в частные руки. В результате мы имеем лунный ландшафт деиндустриализации. Перестройщики и реформаторы "смыли" с экономической карты государства не просто отдельные предприятия, а целые отрасли производства: самолетостроение, приборостроение, производство строительных и сельскохозяйственных машин, инструментальную, электронную, фармакологическую промышленность. В процессе ликвидации находится российская автомобильная промышленность.

В аграрном секторе ситуация обстоит еще хуже. Страна практически лишилась продовольственной безопасности.

Как тут не вспомнить о дискуссиях, которые велись у нас на рубеже 80-90-х годов прошлого века о путях перехода к рынку. Опытные хозяйственники, ученые отговаривали амбициозных дилетантов от идеи разгосударствления и приватизации. Но вертопрахи-демократы давили инакомыслящих. И "процесс пошел". Обвальная процесс всеобщего и полного разгосударствления, который уже продолжается уже второе десятилетие, привел к разрухе, которой не знала страна. По целому ряду позиций гитлеровцы относились к подвластной им экономике гораздо осмотрительнее, чем наши завзятые либералы. В действиях немцев просматривался профессионализм. Это не наши отечественные "младореформаторы", бывшие завлабы, цветочные торговцы и многие нынешние отечественные руководители.

Наверное, Гитлер, Геринг и Розенберг не взяли бы на работу Грефа или Кудрина...

В социальной сфере нынешний строй и режим фашистской оккупации имеют много общих черт: крайне низкий уровень оплаты труда основной массы работающих, рост инфляции, явный дрейф в сторону платного образования и здравоохранения, классовый подход к предоставлению государственных гарантий жизнедеятельности. Но в ряде вопросов немецкий "новый порядок" выглядит более гуманным в отношении малоимущих. Главное доказательство тому – сохранение льгот. Как бы там ни было, но в сороковые годы XX столетия льготы по существу действовали.

Оккупационный немецкий режим являлся адской машиной "людомора", истребления людей. Все живое произвольно ощущало смертоносные токи от надменных непредсказуемых чужеземцев, одержимых идеей этнической чистки человечества. И потому даже те, кто пережил оккупацию относительно благополучно, на вопрос "как было при немцах?" чаще всего отвечают: "Как в страшном сне".

За годы войны погибло около 20 млн мирных жителей СССР (хотя назвать точную цифру погибших сегодня трудно). За время реформ в России с начала 90-х годов XX века численность населения России сократилась на 15 мил-

лионов. Смертность превысила рождаемость. То есть, можно сформулировать итог: экономический ущерб и людские потери от внедрения различных программ 90-х годов прошлого века и начала века нынешнего соизмеримы с потерями в Великой Отечественной войне.

Пройдут века. Возможно, будущие историки, вглядываясь через телескопы времени в далекие события XX-XXI веков, "сбивелируют" отдельные неоднозначные проявления сущности и сольют волну немецкой оккупации с волной сегодняшней деградации в одно сплошное цунами.

Извечный вопрос: что делать? Ответы могут быть разные. Наверное, надо использовать полнее тот интеллектуальный потенциал, который еще сохранился в стране. Сейчас к вершинам власти устремляются далеко не лучшие люди. А те, кто представляет истинный, интеллектуальный потенциал, остаются не у дел.

Но они не способны расталкивать кого-то локтями. Они не для этого выросли, учились и работали всю жизнь. Сегодня страна располагает мощнейшим человеческим ресурсом. Если его умело и разумно использовать, это поможет стране, обществу снова вырваться из того состояния, в каком мы оказались сегодня. Возможно, это последний шанс, чтобы остановить разрушение.

Список литературы

1. Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942-1943). – Майкоп, 2000. – С. 99.
2. Загорюлько М., Юденков А. Крах плана "Ольденбург" (основа экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). – М., 1980. – С. 275.
3. Джигиль О. Оккупация. – Советская Россия. – 2006. – № 51-52.

В редакцию материал поступил 26.03.07.